

VESLAV ROMANOVIC. Heterogeneity of region - its advantage (on a material of researches Poland-Byelorussian about border)

In the given job the author, on the basis of empirical researches spent among learning high schools, represents a position researched in relation to cultural heterogeneity, which takes place on Poland-Byelorussian пограничье. He proves, that the youth sees value of region, expiring from cultural heterogeneity. Such point of view is perfect base for development of regional education and opens good prospects of the future mutual relation.

УДК 008.001:378

Медиченко Л.Е.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ТРАНСФОРМАЦИИ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ КУЛЬТУР И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Введение. В период системной трансформации общества современная культура может развиваться в непредсказуемых направлениях. Еще в XX веке футурологи предсказывали, что именно культура приобретет решающее значение в социальной динамике. Как это произойдет – по единому сценарию либо в разных вариантах – на этот счет мнения специалистов разделились. Проблемы социодинамики культуры в своих работах рассматривали Т. Парсонс, М. Вебер, А. Моль, П. Сорокин, П. Штомпка, В. Межуев, С. Арутюнов, И. Ширшов, П. Скороходов. Сегодня многие специалисты в области социокультурной динамики считают, что западная культура как особый надрегиональный феномен становится доминирующим в мировом масштабе, а вестернизация становится синонимом глобализации в культурном плане.

Исторический опыт трансформации восточно-европейских культур. В русле данной темы заслуживает внимания взгляд немецкого ученого Карла Аймермахера – профессора славистики, директора Славянского семинара и руководителя Института русской и советской культуры им. Лотмана в Рурском Университете в Бохуме (Германия) – на проблемы развития культуры [1]. Его работы позволяют нам по-новому осмыслить столь сложный феномен, каким выступает культура.

К. Аймермахер полагает, что историческая универсальность каждой определенной культурной формации (эпохи) следует из специфического образа, которым эти наиболее общие предпосылки всякой культуры характеризуются, в каких пропорциях они сочетаются и как они взаимодействуют друг с другом. Это взаимодействие наиболее ясно выражается в формировании определенных идеологий. Идеологии можно рассматривать как частичные интерпретации исторических ситуаций и процессов, а для отдельных людей и целых социальных сообществ, их функция в самом широком смысле заключается в том, чтобы прояснить отношение к миру, к их социальной реальности. С этой точки зрения культура является многократно опосредованной реакцией сознания на актуальные исторические ситуации и процессы. Культура – это и выражение определенных, получивших новые импульсы идеологий, с помощью которых человек в последней инстанции анализирует общую и частную ситуацию, в которой он находится [1, 113].

При изучении культуры мы имеем дело со сложным объектом. Гораздо более важными ее составляющими, помимо названных идеологием, являются их изобретатели, а также те, кто их пропагандирует, и те, кому они адресованы. В рамках специфической коммуникационной системы все они пользуются подходящими социальными институтами, чтобы распространять и усваивать соответствующую идеологию. В этом плане, как считает К. Аймермахер, интересен вопрос об историческом опыте взаимоотношений «советской системы» и «национальных государств в Восточной Европе», полученный в послевоенной истории, который определен тем, каким образом реализовывались советские формы захвата и удержания власти с помощью тоталитарных институтов. В данном случае мы сталкиваемся с феноменом «огосударствления культуры», а применительно к истории восточноевропейских государств – с трансформацией самостоятельных национальных культур в так называемых культурных сателлитов [1, 116].

Советская модель власти почти полностью охватывала все аспекты проявления культуры, пронизывала все культурные институты

и саму культуру восточно-европейских государств, при этом вступая во взаимодействие с различными национальными традициями. Во всех случаях наносился ущерб национальным традициям, которые трансформировались, но с течением времени возникали специфические новые национальные традиции, отчасти проявившиеся в интересном сочетании с другими явлениями.

На различных этапах отношений «советской системы» и «национальных государств» можно увидеть различные модели этого взаимодействия. В зависимости от того, как складывались эти отношения можно выделить отдельные фазы развития национальных культур восточноевропейских государств:

- ✓ фаза консолидации под влиянием советской системы;
- ✓ фаза интенсивного включения в этот процесс национального наследия и обретение нового культурного самосознания;
- ✓ фаза постепенного, насколько позволяли рамки действующей цензуры, значительного расширения поля собственной новой культурной деятельности [1, 117].

Всё это порождало новые модели, в которых проявлялись новые элементы в культурных взаимоотношениях восточноевропейских стран друг с другом. Деятели восточноевропейских государств, с одной стороны, демонстрировали тесную связь между властью и культурой, как инструментом политически господствующей партии, служащим идеологической обработке и устранению противников. С другой стороны, показывали возможности культуры в воздействии на заостренность властных отношения, вплоть до развития альтернатив существующей власти. При констатации формальных признаков «советской системы» (достаточно поверхностных), можно было наблюдать явление культурной автономии. Место гомогенной, иерархически структурированной модели советской культуры, занимает модель, в которую были включены не только сохраняющие систему принципы, но и элементы, систему нарушающие или изменяющие ее. Конкуренция или взаимное оспаривание права на существование становится характерной для формирующейся новой культурной ситуации. Здесь речь шла не только о многообразии модификаций советской культуры, но и о ситуации, порождающей культурное многообразие и стимулирующей потенциал новых активных действий в восточноевропейской культуре. Подобные культурные события происходили в истории всех восточноевропейских стран. Они наглядно показывают, что исходный вопрос о соотношении «советской системы» и «национальных государств» является, по сути, вопросом о сложной системе, характеризующейся внутренним напряжением. Эти события и сопровождающие их изменения оценок, а также количественные и качественные изменения, способствовали возникновению новых культурных систем с повышенной динамикой. Эти системы все больше отдалялись от управления из одного центра власти, приобретая тем самым характер «национальных культур нового типа» [1, 123]. Под воздействием специфического для каждой страны и замедленного процесса эрозии этой «чужой» системы возникли преобразованные национальные культуры, которые оказались, по причине особенно мощного потенциала развития, внутренним источником не всегда контролируемых процессов в культуре Восточной Европы.

Особенности современного этапа развития белорусской культуры. Схожие ситуационные параллели социодинамики восточно-европейских культур мы наблюдаем и на современном этапе трансформации постсоциалистических сообществ, отягощенных процессами глобализации. Сталкиваясь с доминированием более

Медиченко Лариса Евгеньевна, ст. преподаватель кафедры философии и культурологии Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

сильной западной культуры, национальные культуры, на наш взгляд, не растворятся в ней, а тоже пройдут через 3 фазы взаимодействия и развития: фаза консолидации; фаза интенсивного включения в этот процесс национального наследия и обретение нового культурного самосознания; фаза постепенного расширения поля собственной новой культурной деятельности. Данное положение попытаемся подкрепить анализом некоторых тенденций развития белорусской национальной культуры.

Ускоренное развитие социокультурной ситуации в последние годы повлекло за собой неравномерность развития и популяризации различных жанров белорусского музыкального искусства. Именно жанры «массовой культуры» оказались больше приспособленными к телевидению и радиовещанию, дают быструю прибыль при меньших затратах [5, 154]. Однако белорусские композиторы не остались в стороне от авангардных поисков, связанных с глубокими переменами в стиле композиторского мышления второй половины XX века. Так движение к целостной концепции музыки расценивается нами как шаг на встречу раскрепощению европейского творческого сознания [3, 3-9]. То есть, в это время явно прослеживается первая и вторая фаза культурного взаимодействия, а на приближение третьей фазы (расширение поля культурной деятельности) указывает Смолик А.И., который считает, что развитие стилиевой структуры в белорусской музыке происходит также и на основе творческого осмысления художественного опыта традиционного самобытного аутентичного искусства. Так называемый вторичный (стилизованный) фольклор явился фундаментом для создания новых направлений в музыкальной культуре: поп-фолк, фолк-модерн, фолк-фьюжин и т. д. Еще одной существенной особенностью музыкальной культуры последнего десятилетия, которая характеризует все авангардные направления, является расширение средств музыкальной и внемузыкальной (применение в аранжировках технических средств) выразительности. Подобное проникновение музыки за собственные пределы есть конкретное проявление «художественной гибридации», что способствует ее обогащению [6, 33].

Середина 90-х годов привнесла новую тональность в развитие театрального искусства Республики Беларусь [4, 154-169]. Одна из основных черт современного белорусского театрального искусства – творческий подход к сохранению и обогащению лучших национальных традиций и одновременно довольно активное осмысление богатого опыта и достижений мировой культуры. Это связано не только с созданием новых творческих коллективов, но и с многообразием экспериментальных поисков уже известных театральных коллективов.

Проблемы в развитии современного белорусского театра в 90-е годы были связаны и с тем, что в этот период стали закладываться рыночные отношения, в том числе и в сфере художественной культуры. Это и повлияло на выбор способов выживания: появились театральные коллективы, созданные на коммерческой основе, а многие репертуарные театры стремились получить госдотации. В этот период ярко проявилась неоднородность театральной публики, что вынуждало театральных деятелей по-другому осмысливать реалии жизни и устанавливать новые отношения со зрителями [5, 154]. Исторические произведения, национальная классика открыли новые возможности для философского осмысления разных пластов народной жизни, постижения белорусского характера, пробуждения памяти и самосознания белорусов. Не оставались в стороне и зарубежная интеллектуальная пьеса, драматургия абсурда и экзистенциализма, что в известной мере способствовали обновлению эстетики и сценической выразительности [4, 160]. Стимулирующее воздействие на развитие театрального процесса оказывают и театральные фестивали: республиканские и международные. Это фестиваль «Славянские театральные встречи» в г. Гомель, международный фестиваль «Белая вежа», проводимый в г. Бресте. Показ спектаклей малых форм происходит в г. Молодечно на фестивале «Маладзечанская сакавіца». В Минске регулярно проходят международные фестивали кукольных театров, а также драматических моноспектаклей. Несомненно, что все это способствовало возрастанию интереса зрителей к театру, сумевшего расширить сферу своего духовного воздействия на духовную жизнь общества.

Трансформационные процессы в обществе оказали определенное влияние и на развитие белорусского изобразительного искусства конца XX века. По мнению исследователей, искусство приобретает все больше аналитический характер, наблюдаются тенденции определенного отказа от реалистических традиций, пластические формы

утрачивают свою былую основательность, появляются новые черты и особенности в тематическом спектре произведений изобразительного искусства. Отдельные художники, распрощавшись с былой идеологией, связали свое творчество с национальной тематикой [5, 129]. Это способствовало появлению в начале 90-х гг. ряда творческих художественных объединений, которые противопоставляли свою деятельность официальному искусству. Так, объединение «Немига – 17» возникло, прежде всего, с целью обновления поэтики и пластичности языка отечественного изобразительного искусства. Главным источником его творческих стремлений стал «...целенаправленный отказ от реально-конкретной фигуративности ради абстрагирования формы, а горизонты их поисков можно обозначить словами «форма», «экспрессия», «духовность» [2, 25].

Многие исследователи отмечают парадоксальную ситуацию, сложившуюся в белорусском игровом кино в последние десятилетия: фильмы есть – кино нет, киностудия есть – национальной кинематографии нет, деньги вкладываются – отдача не соответствует вложениям. Объяснения данной ситуации разные: в игровом кино нет постоянного массового производства (в среднем в год снимается только 2 фильма), отсюда нет заполняемости зрительного зала (проблема белорусского репертуара) и, как следствие, потеря собственного зрителя [9, 155-164]. Мы стали свидетелями нескольких неоднозначных кинопремьер: «Анастасия Слуцкая» (реж. Ю. Елхов), «В августе 44-го» (реж. М. Пташук). В стиле городского романса работает режиссер Александр Ефремов (к/ф «Поводырь», «Дунечка»). Много поклонников нашел полнометражный телефильм «Подружка осень» и др. Необходимо подчеркнуть, что в 90-е годы в белорусском киноискусстве особенно ярко зазвучала историко-национальная тема. Произошел решительный поворот к освещению прошлого страны – ярких сторон её истории, деятельности знаменитых деятелей культуры и искусства, просветителей и писателей. Так были созданы киноленты об известном деятеле белорусского искусства Язепе Дроздовиче (реж. С.Агеенко), Франтишке Богушевиче (реж. М. Ждановский); о жизни и деятельности К. Калиновского (реж. С. Петковский), С. Будного (реж. М. Князев) и многие др. Таким образом, современная история белорусского национального кино только создается. Молодые авторы современной белорусской литературы активно осваивают популярные жанры современной беллетристики: фантази (В. Орлов, А. Наварич, А. Козлов, А. Бычковский и др.); кибер-панк (А. Павлухин); психологического детектива и женского романа; пробуют свои силы в жанре интеллектуального экзистенциального романа [9].

Конечно, будем объективны: в период системной трансформации общества белорусская художественная культура пока еще не достигла ярких достижений своего развития в советский период как кинофильмы Виктора Турова, романы Василия Быкова, эссе Алеся Адамовича, балеты Евгения Глебова, живопись Михаила Савицкого или Израила Басова, гобелены Александра Кищенко, песни рок-группы «Песняры» или скульптуры Андрея Бембеля. Однако обозначенные выше тенденции развития белорусского национального искусства на современном этапе внушают определенный оптимизм.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аймермахер К. Знак. Текст. Культура: Пер. с нем. С.А.Ромашко. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.
2. Каваленка Вольга. «Немига – 17» у Трацякоўцы // Мастацтва. – 2003. - № 1. – С.22-29.
3. Мдивани Т.Г. Синергетика и новейшая музыка (к вопросу о методах исследования произведений авангардных композиторов второй половины XX века) // Актуальные проблемы мировой художественной культуры: материалы Междунар. науч. конф., 23-24 марта 2006 г., Гродно / отв.ред. В.А.Мистюк: в 2 ч. ч.1. – Гродно: ГрГУ, 2006. – 287 с.
4. Салееў В. Беларуская рэжысура як лясэрка працэсаў нацыянальна-культурнага адраджэння на сучасным этапе // Сучасная беларуская рэжысура: Пошукі мастацкай адметнасці ў кантэксце традыцый еўрапейскага тэатра: Зб. Матэрыялаў міжнар.наук.-творч.канф. (Гродна, 16-17 кастр. 1997 г.) / Вучэб.дапаможнік для навучальных устаноў культуры і мастацтва.- Мн.: Арты-Фэкс, 1998. – С. 154-169.
5. Скараходаў П. Сацыядынаміка культуры сучаснай Беларусі. – Мн., 2003.

6. Смолик А.И. Музыкальная онтология в контексте полистилистической духовной культуры // Актуальные проблемы мировой художественной культуры: материалы Междунар. науч. конф., 23-24 марта 2006 г., Гродно / отв. ред. В.А. Мистюк: в 2 ч. ч.1. – Гродно: ГрГУ, 2006. – 287 с.
7. Зелава Г. Фантастичны жанр у сучаснай беларускай прозе, "Роднае слова", 2006 – № 7 – С. 221-24.
8. Мінскевич С. Па слядах яе вялікасі фантастыкі. – Мн.: Маладоць, 2005. – № 3. – С. 115-118.
9. Саенкова Л. Странности и парадоксы. – Мн.: Беларуская думка, 2006. – № 7. – С. 155-164.
10. Штейнер И. Страх в горстке праха. М.: Неман, 2000. – № 7. – С. 243-254.

Материал поступил в редакцию 24.11.07

MEDICENKO L.E. Historical experience of transformation of the east Europe cultures and of a present stage of development of the byelorussian culture

The article presents the historical experience of mutual relations of "the Soviet system" and cultures of the national states in the East Europe during post-war history. The result of this interaction was the phenomenon of nationalization of culture, when national cultures were transformed in cultural satellites. However eventually there were specific new national traditions and the phenomena of a national cultural autonomy. Similar processes in cultural sphere are characteristic also for the modern East - European cultures during transformation of the communities, which is connected with globalization. Some aspects of similar transformation are considered by the example of the Belarussian national culture.

УДК 130.3

Варич В.Н.

ЭВОЛЮЦИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Введение. В современном мире формируется новый тип социальности – информационное общество, существенной характеристикой которого является ведущая роль информационно-коммуникационных технологий, поэтому анализ его особенностей представляется актуальным и востребованным.

Эволюция духовных принципов западной цивилизации. Специфика современного общества во многом обуславливается интенсивным развитием информационных технологий и средств массовой коммуникации. Анализируя особенности западной культуры XX века, Э.Торфлер в книге «Третья волна» выделяет три периода в развитии цивилизации. По его определению, первая волна – аграрная (до XVIII в.); для обществ первой волны характерны привязанность экономики к земле, простое разделение труда, наличие нескольких каст (сословий), авторитарная власть, аскриптивный статус социализации и децентрализованная экономическая жизнь. Вторая волна – индустриальная (до 1955 г.); для обществ второй волны характерны ведущая роль массового промышленного производства, дифференцированное разделение труда, размывание границ между сословиями, демократическая власть, дескриптивный статус социализации и крупные формы экономической жизни. Третья волна – постиндустриальная, в которой ведущая роль переходит к информационно-коммуникационным технологиям, воздействующим на все структуры общества, на образ жизни и сознание людей: «Третья Волна принесла с собой совершенно новый стиль жизни, основанный на возобновляемых энергетических источниках, на методах производства, которые доказали несовременность большинства производственных линий, на новом общественном институте, который можно назвать «электронный коттедж», и на радикально измененных школах и корпорациях будущего» [1, 254]. По Торфлеру, в обществах третьей волны формируется новый кодекс поведения, который уводит западного человека от стандартизации, синхронизации, централизации и концентрации энергии, сил и денег. «Новая цивилизация имеет свое специфическое мировоззрение, свои способы контакта со временем, пространством, логикой и причинно-следственными связями, а также собственные принципы управления будущим» [1, 254]. Поскольку ведущую роль в новой цивилизации играют информационно-коммуникационные технологии, постольку новое общество Торфлер называет информационным и указывает его основные признаки: 1) экономическая система развивается ускоренными темпами и непосредственно зависит от информации и знания; 2) единицей обмена являются информационные средства, а не деньги, капитал становится более мобильным, возрастает число его источников; 3) основой новой экономики становятся компьютерные системы, позволяющие организовывать трудовую деятельность в виртуальном пространстве, заменяя промышленные действия манипуляциями с информацией; 4) систематизируются товары и услуги, бюрократия знания замещается свободным потоком информации,

возрастает количество и разнообразие организационных форм; 5) создание общественного богатства имеет циклический характер, а методика управления циклами предполагает компьютерный мониторинг и постоянный процесс роста знания; 6) новая система развивается параллельно и одновременно на локальном уровне (микрэкономика) и глобальном уровне (макрэкономика); 7) изменяется отношение к информации: она воспринимается не только как товар, но и как стимулятор творческих сил и поисков; постоянное взаимодействие с компьютером учит человека ориентироваться в глобальных потоках информации; 8) человек из пассивного потребителя массовой культуры превращается в активного производителя ее возможностей на своих индивидуальных электронных устройствах; аудитория сама манипулирует информационными средствами, что приводит к разделению массовой культуры на сегменты и ее дифференциации.

В таком обществе происходит перестройка основных принципов западной цивилизации: на смену стандартизации приходят многообразие и плюрализм; осуществляется децентрализация структурных связей в производстве, политике и культуре; выстраивается новая социальная иерархия, состоящая из многофункциональных ячеек, имеющих ситуативный характер; размываются прежние классовые и социальные структуры, а социальная стратификация происходит преимущественно по уровню доходов. Вместе с тем нарастание темпов развития, новаций и многообразия приводит к разрыву культурной преемственности и утрате фундаментальных ценностно-смысловых оснований духовной культуры: «В бездумной гонке за новизной нам не дает покоя все возрастающее чувство недостаточности, неудовлетворенности и неуверенности. Мы разучились жить тем, что имеем, но живем ожиданием новых ощущений, живем не в свете настоящего дня, но в сумерках будущего, где в конце концов – по нашему убеждению – взойдет солнце», - пишет К.Г. Юнг и продолжает: «... отдельный человек теряет навсегда последние родовые корни и инстинкты, превращаясь лишь в частицу в общей массе и следуя лишь тому, что Ницше назвал «Geist der Schwere», духом тяжести» [2, 32]. Ситуация усугубляется тотальным проникновением перманентного информационного потока в частную и публичную жизнь индивида, который в конечном итоге приобретает шизофренический облик, так как не может провести внятную границу между собой и информационной средой. Возникает «экстаз коммуникации» (Ж. Бодрийяр), который приводит к социальной инерции, охватывающей все сферы и структуры западного общества и вызывающей потребность в «обновлении крови», т.е. в вовлечении в цивилизационный процесс народов и культур, которые им еще не охвачены в полной мере. Говоря о современном западном человеке, Э.М. Чоран пишет: «Цивилизация, дело его рук, его навязчивая идея, предстает перед ним как наказание, которое он сам для себя избрал и через которое хотел бы заставить пройти тех, кто до сих пор оставался в стороне» [3, 46].

По мнению Чорана, современная западная цивилизация со все-

Варич Вероника Николаевна, кандидат философских наук, доцент Брестского государственного технического университета. Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.